

Максим Веретюк

Жара

Он ненавидел жару. Холод он переносил легко, прохлада была его стихией, а жара просто сводила его с ума. К сожалению на его родине даже зимой температура не опускалась ниже 15-20 градусов Цельсия.

Он не переносил пот и запах перегретого асфальта. Он не понимал идиотов, добровольно прожаривающих свои тела на пляжах побережья. Он всегда старался убежать от жары.

У себя в доме он вырыл глубокий погреб, в котором проводил почти все летние дни. Работал он только по ночам. Эта работа чаще всего была тяжелой и низкооплачиваемой, но он никогда не жаловался, потому что только так он мог избегать жары постоянно.

Он постоянно просматривал рубрики объявлений о найме на работу в газетах города. Иногда ему везло, но ненадолго. За его странности люди его не любили, и, может быть, даже боялись, поэтому он никогда не задерживался долго на одном месте.

Переломный момент в его жизни произошел, когда он наткнулся на объявление фирмы «MetallCo». В объявлении говорилось: «Ночная работа! Высокий заработок! Гарантированные премии!».

Хотя обычно люди относятся к подобным объявлениям осторожно, для него это объявление было шансом.

Собеседование он прошел на ура. Хотя самого собеседования как такового не было. Пара формальных вопросов и медицинский осмотр. После этого ему объяснили, в чем будет заключаться его работа.

Переплавка металла! Температура 1000 градусов, огонь, *жара!* Но он согласился, хотя ему все это было очень неприятно.

Официально фирма занималась изготовлением стеклопакетов и алюминиевых конструкций. Но на самом деле основным источником дохода являлась переплавка и нелегальный экспорт цветных металлов за рубеж.

Подпольные загородные цеха работали круглосуточно. Рабочим платили, конечно, хорошо, но и работа была выматывающей....

Хотя с некоторых пор это перестало его волновать.

Сначала работа его изнуряла. Вечный *жар* от печи, необходимость разгружать множество машин с ломом, и загрузка, загрузка, загрузка печи!

Но постепенно он начал замечать, что ему нравится находиться рядом с печью. Это было странно для него, но вскоре он перестал обращать на это внимание.

Ему нравилось загружать ее металлом, и смотреть, как жадное пламя пожирает вроде бы прочный материал. Ему нравилось чистить печь от шлака,

потому что это приносило облегчение пламени. Все больше времени он проводил рядом с печью, он брался за любую работу, он не знал усталости. Он испытывал наслаждение, когда печь гудела над новой порцией пищи.

Он не запомнил дня, в который он начал слышать голос...

Хотя этот парень проработал здесь уже 7 месяцев, все называли его новеньким. И Майку он не нравился. Большинство переплавщиков проработали здесь по 3-4 года, и чувствовали свое превосходство над «молодыми». Им нравился новенький, безропотно выполняющий все, о чем его ни попроси. Некоторые даже злоупотребляли этим.

А Майку он не нравился. Все удивлялись его спокойствию и задумчивому выражению его лица, приписывая все некоторому аутизму. А Майку казалось, что «новенький» постоянно как будто прислушивается к чему-то. Его взгляд был постоянно направлен как будто внутрь себя, словно он пытался там что-то рассмотреть. Майка этот взгляд пугал.

Сначала это было просто ощущение какого-то дискомфорта, навязчивый зуд, непонятно откуда берущийся. Он усиливался по мере разгрузки печи. И умолкал после ее загрузки. Но постепенно зуд превратился в не умолкающее ни на минуту раздражающее жужжание.

Оно становилось все громче, и он совсем перестал спать. Даже дома, когда он отдыхал этот зуд не оставлял его в покое.

И наконец он понял, что нужно делать. И как только он это понял, жужжание в голове прекратилось, и он услышал голос. Он улыбнулся и вышел на улицу.

А печь торжествующе гудела.....

В тот вечер вся бригада сидела на улице. Было время ужина, загрузка печей была окончена, и мужики, поев, засели за карты. Беседка находилась в 100 метрах от ангара в котором размещались плавильные цеха.

Майк не играл в карты. Он не любил проигрывать, куда проще ему было сдержаться и не сесть за карты, чем проиграть и сдерживать злость. Поэтому он просто смотрел за игрой.

Новенького среди них не было. Он остался следить за печами. Казалось, к нему вернулось хорошее расположение духа. Он опять с рвением брался за любую работу, которая приближала его к печи.

Майк закурил сигарету. Сейчас, когда новенького не было рядом, и Майк не видел его больных глаз, он не мог понять причину своей неприязни. Он

размышлял на эту тему довольно долго, постепенно погружаясь в то философское состояние, которое возможно только после сытного обеда. Вязкая полудрема исподтишка накатывала волнами, и окружающие предметы становились все нереальнее...

И тут тишину разорвал дикий вопль, от которого мороз прошел по коже. В этом вопле было столько боли и ужаса, что все вздрогнули. Когда оцепенение прошло, все побросали карты, и понеслись в ангар, откуда раздался этот вопль.

Когда они забежали в ангар, они увидели новенького, который стоял перед открытой дверью печи, и смотрел в огонь, не мигая и не отводя глаз.

У него были опалены ресницы и волосы, и по руке текла кровь, но он выглядел счастливым как никогда.

Когда его кто-то окликнул, он повернулся и улыбнувшись какой-то идиотской улыбкой молча вышел из цеха.

Майк не мог оторвать взгляд от его руки. Кровь текла из глубоких царапин, непонятного происхождения. Больше всего это было похоже на царапины, которые оставляют кошки.

Про этот случай говорили недолго, и вскоре про него забыли. И никто не увидел связи между пропажей кошки, которая была общей любимицей, и ночным происшествием. Создалось впечатление, что кошки никогда и не было. Как будто её стерли из памяти окружающих. Но Майк помнил все.

Идиоты! Они ничего не понимали! Только он смог узнать и понять!

Он вышел из ангара и вдохнул воздух полной грудью. Обожженная кожа болела, но ему было все равно. Это был экстаз. Такого ощущения он не испытывал никогда! Он научился понимать *ЕЁ*! Теперь он постоянно слышал *ЕЁ* голос! Она была голодна, но весь металл мира не утолил бы *ЕЁ* голод!

Он посмотрел на свою руку. Мерзкое животное!

Он начал вспоминать все заново....

....гудение печи исчезло, теперь это была речь, пока что отдельные слова, практически без смысла, но одно слово он слышал четче всего ... *голод... голод... голод...*

Это было не просто слово. Когда он слышал его, он чувствовал *ЕЁ* голод. Ощущение было такое, как будто кто-то гложет его изнутри. Всепоглощающий голод, когда ты не можешь думать ни о чем кроме еды. Для того чтобы избавиться от него, *ЕИ* нужно есть, а значит, он должен накормить *ЕЁ*.

Он взял на руки кошку, которая вечно путалась у всех под ногами. Поглаживая её он вернулся к печи. Продолжая поглаживать кошку, он открыл дверь печи. Бедное животное, почуяв жар, исходящий от печи, нервно замыкало.

Он смотрел прямо в открытое горнило. Гудение пламени стихло. *ОНА* ждала. Все четыре форсунки печи прекратили свою работу, остались только тлеющие язычки пламени. А голос становился все нетерпеливее и нетерпеливее. Теперь он уже не шептал, а кричал, не просил, а приказывал.

И когда у него больше не осталось сил выносить вопли, звучащие у него в голове он взял кошку за задние лапы, размахнулся и бросил её в печь. Она протяжно крикнула, и ухитрилась вцепиться когтями ему в руку, но он даже не заметил этого.

Ту секунду, что кошка летела в жадно разинутую пасть печи, ничего не происходило, а затем мощные струи огня ударили со всех сторон. Из печи вырвалось пламя, опалив ему лицо, но вместе с пламенем его окутал такой восторг, которого он никогда раньше не испытывал. Это было животное чувство наслаждения! Он испытывал то, что испытывала *ОНА!*

А она просто вопила в восторге! Пламя ревело и рвалось наружу, *ЕЙ* было хорошо, а значит и ему тоже.....

Голос исчез, и в голове наступила тишина. Это было настолько непривычно для него, что он сначала даже почувствовал дискомфорт. Но через секунду все прошло.....

И чего они галдят? А как этот парень странно смотрел. Как там его зовут? Майк? Ничего *БОГ*, как говорится, не выдаст.

И снова появился голос. Пока еще слабенький, но уже различимый. В животе у него заурчало. Он улыбнулся, вытер с лица пот окровавленной рукой и пошел в цех.

А печь торжествующе гудела...

Что-то странное происходило с новеньким. Он как будто расцвел после той ночи. Майк не раз ловил на себе его осторожные взгляды. Что-то он замышлял, но что именно?

Подозрения Майка давно переросли в уверенность. Этот тип сжигал в плавильной печи животных. Во всей округе не осталось кошек и собак. Только старая сука, которая уже еле ходила, все еще жила за стеной ангара.

И никто кроме Майка не обращал на это внимания!

Майк был на смене, и после загрузки печи он как обычно сидел за столом с мужиками. Тут краем глаза он уловил движение у входа в ангар. Он внимательно присмотрелся, и увидел новенького, который, оглядываясь, поспешил внутрь, неся что-то в руках. Майк встал и сделал вид, что идет отлить.

От туалета он крадучись вдоль стены прошел в ангар. Медленно он шел сквозь темноту цехов. Он слышал какое-то неразличимое гудение, но это его не волновало.

Наконец он подошел к третьему цеху. Осторожно выглядывая из проема, он увидел новенького, который стоял к нему спиной.

У его ног лежала связанной старая сука, и тихонько поскуливала. Отблески пламени, падающие из открытой дверцы печи позволили ему разглядеть, что морда у нее залеплена пластырем, поэтому она не могла выть.

А между тем гудение становилось все громче. С Майком начало происходить что-то странное....

Он нагнулся, поднял собаку и одним точным движением бросил её в огонь. Пламя с ревом набросилось на добычу, его охватил экстаз.

В тени кто-то стоял. Он знал это. *ОНА* ему сказала. *ОНА* стала его богом, а *БОГ* вездесущ. Он чувствовал исходящий от человека в темноте страх, постепенно перерастающий в удивление. Да! *ОНА* делала это! *ОНА* говорила с тем, кто в темноте! Но он еще не понимал *ЕЁ*. Ничего, скоро он поймет. *БОГ* обещал ему. *БОГ* сказал, что он будет вечно рядом с ним, и в нем самом! *БОГ* сказал, что испытанные им до сих пор ощущения это ничто по сравнению с тем, что он сможет чувствовать, будучи частью *ЕГО*! *БОГ* обещал ему долгожданный отдых! Он это заслужил!

Он почувствовал движение и начал оборачиваться. И улыбнулся....

Майк почувствовал, как какая-то непреодолимая сила толкает его вперед. Его начала заливать волна ненависти к стоящему у печи человеку. Как будто гигантская рука подталкивала его выйти из тени.

Новенький нагнулся, поднял собаку и швырнул её в огонь. Из печи вырвалось пламя, и в этот момент гудение в голове Майка превратилось в отчетливые слова.

Из его горла вырвалось рычание, которому позавидовал бы любой пес. Вытянув перед собой руки, он кинулся на новенького. В искаженном выражении его лица не осталось ничего человеческого, это была маска ярости. Когда до новенького осталось всего пара метров, тот начал поворачиваться. Сквозь пелену Майк отметил улыбку на его лице.

Через секунду Майк врзался в новенького и изо всех сил толкнул его в открытую печь.

Когда ноги новенького оторвались от земли, выражение умиротворенности на его лице сменилось растерянностью, а затем раздался короткий, но полный ужаса крик, после которого волна огня сбила Майка с ног.

Не обращая внимания на тлеющую одежду, он лежал на полу, испытывая невероятные ощущения. Волны наслаждения поднимались по его телу выше и выше, пока не достигли его головы. А когда они затопили его мозг, он потерял сознание.

А печь торжествующе гудела.

Когда он увидел бегущего к нему Майка, он мысленно возблагодарил *БОГА*. Да, *БОГ* держит свои обещания! Сейчас он присоединится к *НЕМУ*!

Он устал. Он больше не в состоянии ждать. Его улыбка становилась все шире. Он ждал, опустив руки. Его не пугала ярость на лице Майка.

Но когда он потерял равновесие и полетел в раскаленный ад, голос, который поддерживал, одобрял и приказывал, голос, который с давних пор говорил ему, как жить, исчез...

И тогда он почувствовал настоящую жару. Та жару, от которой он бежал всю жизнь, навалилась на него разом. Он закричал от ужаса и боли, но раскаленные связки сразу лопнули.

Через секунду его голова взорвалась с негромким хлопком, неразличимым среди рева пламени. Но за эту секунду он успел сойти с ума. И умер уже безумец, а не человек.

Майка привели в чувство его друзья. Он ничего не помнил. Осталась жуткая боль от ожогов, почти месяц он пролежал в больнице. Его вылечили, но он постоянно чувствовал какое-то беспокойство.

Когда он вышел на работу, никто уже не вспоминал про новенького. Он как будто вылетел из памяти окружающих. Или его кто-то стер...

Майк перестал спать. Постоянный гул в голове не давал ему уснуть. Он не понимал, что с ним. Но однажды по дороге на работу он прихватил соседскую кошку...

И зуд в голове прошел...

В тени кто-то стоял. Он знал это. *ОНА* ему сказала. *ОНА* стала его богом, а *БОГ* вездесущ. Он чувствовал исходящий от человека в темноте страх, постепенно перерастающий в удивление. Да! *ОНА* делала это! *ОНА* говорила с тем, кто в темноте! Но он еще не понимал *ЕЁ*. Ничего, скоро он поймет. *БОГ* обещал ему. *БОГ* сказал, что он будет вечно рядом с ним, и в нем самом! *БОГ* сказал, что испытанные им до сих пор ощущения это ничто по сравнению с тем, что он сможет чувствовать, будучи частью *ЕГО*! *БОГ* обещал ему долгожданный отдых! Он это заслужил!

Он почувствовал движение и начал оборачиваться. И улыбнулся....

А печь торжествующе гудела...